



ДЖЕННИФЕР
МАККУИСТОН

Лето
возлюбленных

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)44
М15

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Jennifer McQuiston
SUMMER IS FOR LOVERS

Перевод с английского *Л. В. Сазоновой*
Компьютерный дизайн *В. А. Воронина*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Маккуистон, Дженнифер.

М15 **Лето возлюбленных** : роман / Дженнифер Маккуистон ; [пер. с англ. Л. В. Сазоновой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-086624-3

У Кэролайн Толбертсон, выросшей на побережье Брайтона, есть две страсти — уединенная бухта, где она ежедневно упражняется в плавании, и воспоминания о юноше, которого она спасла еще десятилетней девочкой.

Но судьба дарит ей встречу с Дэвидом Кэмероном, героем ее девичьих грез!

Однако, увы, Дэвид не отвечает на чувства девушки, он готов предложить ей лишь дружбу — и помочь в поисках достойного мужа. И Кэролайн, для которой брак — единственный способ помочь обедневшей семье, принимает это предложение.

Казалось бы, сердце Кэролайн разбито и счастье уже невозможно. Но не зря говорят, что истинная любовь порой способна творить чудеса...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)44

ISBN 978-5-17-086624-3

© Jennifer McQuiston, 2013
© Перевод. Л. В. Сазонова, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Пролог

1831 год

Дэвид Кэмерон не хотел умирать.

Это был немаловажный факт, даже если он осознал его слишком поздно.

Инстинкт заставлял его грести к берегу, а легкие — тянуться к воздуху. К несчастью, смерть оказалась жадной старухой и не желала ослаблять хватку. За те несколько минут, что сражался за жизнь, он проглотил больше морской воды, чем за целый час, пока пытался утонуть.

— Перестаньте сопротивляться течению!

Дэвид изумленно моргнул сквозь холодную воду и алкогольный туман, обволакивающий его сознание как слишком тесная перчатка. Несмотря на то что его сердце оглушительно грохотало, борясь за выживание, оно забилось еще сильнее, когда до него дошло, откуда доносится голос.

Кто-то плыл спасать его.

Это так поразило Дэвида, что он на мгновение усомнился, не умер ли в конечном итоге. Он выбрал этот участок берега не только из-за бурного прибоя, но и за его уединенное положение. Дэвид мог быть трусом, но трусом, не лишенным гордости. И не нуждался в свидетелях его тщетных усилий, какая бы чертовщина ни претендовала на его душу.

Кто бы ни окликал его, он не мог быть простым смертным, рассекая волны с такой легкостью, словно они были маслом, а он — нагретым ножом. Дэвид различил мелькание маленьких рук, размеренно и неутомимо вздымавшихся над водой. Он никогда не видел, чтобы человек так плавал.

Должно быть, так плавают русалки, устало подумал он. Вот только русалки — красавицы.

Причем взрослые. А это...

Проклятье! Это же девочка. Интересно, где ее родители, если ей позволено бросаться в волны с этого дикого берега, чтобы спасти его никчемную задницу? Ему придется чертовски трудно добраться до берега с ребенком.

Его совесть не выдержит гибели еще одной живой души, даже если эта душа нуждается в хорошей порке.

— Тебе что, надоело жить? — прорычал он, когда она преодолела полоску бурлящей воды, разделявшую их.

Девочка помедлила, работая руками, чтобы держаться на волнах.

— Вообще-то это не я тону. — Она даже не запыхалась, маленькая нахалка.

Большая волна выбрала этот момент, чтобы захлестнуть Дэвида с головой. Рот вмиг наполнился морской водой.

— Я не тону, — сумел вымолвить он, отплеываясь. — К сожалению.

— Если вы еще не тонете, — парировала девчонка, — то близки к этому.

Сквозь пелену воды он видел спутанную гриву волос, веснушки, усыпавшие загорелое лицо, и глаза, то ли зеленые, то ли ореховые. В ее чертах не было ничего, что намекало бы на будущую красоту. Они могли принадлежать любой девочке-подростку, каких сотни.

— Вам нужно перевернуться на спину и позволить течению отнести вас туда. — Она указала за его спину, где простирался открытый океан.

— Я предпочитаю двигаться в том направлении. — Он дернул головой в сторону берега. — И мне не нужны указания малявки, которая едва умеет плавать сама.

Лицо девочки вспыхнуло.

— Если только вы не собираетесь покончить с собой, — яростно отозвалась она, — перестаньте вести себя как болван и слушайте, что вам говорят.

Дэвид замер, позволив безжалостным волнам биться об его тело. Неужели она догадалась, что он здесь делает?

Он взмолился, чтобы это было не так.

— В этом месте слишком сильное течение, чтобы с ним бороться, — сообщила девочка, скорчив раздраженную гримаску. — Здесь крутой обрыв, но чуть дальше глубина примерно по пояс и легче преодолеть течение. Оттуда можно дойти до берега.

Дэвид устремил на нее долгий взгляд, покачиваясь на бурлящих волнах. Пожалуй, у нее ореховые глаза, решил он. И будь он проклят, если ее объяснение лишено смысла.

Спустя мгновение, насыщенное напряжением и неуверенностью, он разрешил себе расслабиться, позволив течению подхватить его тело и понести в направлении, противоположном тому, куда он стремился. Девочка подождала, пока его вынесло в нужное место, а затем окликнула, объяснив, что делать дальше.

Примерно через двадцать ярдов, когда его набухшие водой сапоги благополучно коснулись дна, девочка указала в сторону пляжа.

— А теперь попытайтесь дойти до берега!

Дэвид помедлил, давая отдых пропитанным виски мышцам, прежде чем двинуться к спасительному берегу. Но то, что еще оставалось от его бессмертной души, заставило его оглянуться на маленькую фигурку, которая все еще покачивалась на глубине. Кем бы она ни была, теперь он за нее в ответе.

— Тебе нужно пойти со мной, малышка. — Его хриплый голос вспугнул чаек, круживших над волнами. Дэвид больше не собирался умирать, но еще не пал так низко, чтобы его спасал ребенок. — Я не могу вернуться, чтобы вытащить тебя оттуда, — крикнул он, надеясь, что она услышит его за несмолкаемым рокотом прибора. — И не могу уйти, оставив тебя там.

Словно в ответ, девочка одарила его озорной улыбкой, а затем повернулась и поплыла против течения, слишком мощного, как он только что убедился, даже для его недюжинной силы.

Спустя несколько минут ступни Кэролайн Толбертсон нащупали скалистый берег, и ее захлестнуло ликование, такое сильное, что у нее перехватило дыхание. Повернув голову, девочка проследила, как мужчина выбрался из воды чуть дальше по берегу и рухнул на гальку.

О чем она только думала, поплыв назад? Но желание показать незнакомцу, на что она способна, оказалось сильнее здравого смысла. Никто никогда не видел, как она плавает, кроме папы.

Покачиваться в объятиях волн казалось таким естественным. Гораздо более естественным, чем она чувствовала себя сегодня утром, просидев без движения целый час, пока ей делали прическу.

О боже. Ее прическа! И одежда, если уж на то пошло. Эта мысль вернула Кэролайн к реальности. Она собирала раковины на берегу, когда заметила мужчину, боровшегося с течением, и прыгнула в воду, не успев даже скинуть обувь. Что она скажет маме, когда явится домой в насквозь промокшем платье? Что свалилась в воду?

Пожалуй, это гораздо лучше, чем признаться, что сделала это сознательно. Падение куда более приличное происшествие, которое может случиться с благовоспитанной особой.

Несколько утешившись, Кэролайн поспешила к мужчине, который втянул ее в эту переделку. Он стоял на коленях, и его выворачивало наизнанку так яростно, что ее саму чуть не стошнило. Кто он и как здесь оказался? Она никогда не встречала здесь ни души, кроме отца, который посвятил их с сестрой в тайны этой бухты. Брайтон находился в часе ходьбы на запад, и единственными обитателями этой полоски берега были чайки, свившие гнезда на белых меловых скалах, выщербленных дождями и ветром.

Внезапно ей пришло в голову, что незнакомец, оказавшийся теперь в безопасности, может представлять опас-

ность для нее самой. Впрочем, если дойдет до этого, она знает, куда ударить, чтобы заставить мужчину корчиться от боли. Ее отец позаботился о том, чтобы она знала, как защитить себя.

Тем временем объект ее мыслей поднялся на нетвердые ноги. Он оказался высоким, выше ее отца, но, несмотря на рост и весьма зрелую щетину, пробившуюся на щеках и подбородке, в его лице было что-то мальчишеское, словно ему едва минуло двадцать. Влажные волосы курчавились, обещая оказаться золотистыми, когда высохнут. Глаза — там, где не покраснели от купания в океане, были того завидного оттенка голубого, что навевал мысли о небе в солнечную погоду.

Теперь, когда он выбрался из воды, она могла видеть, что он одет в красный военный мундир, умудрившись сохранить подтянутый вид, даже насквозь промокнув. Кэролайн привыкла к военной форме на улицах Брайтона. В располагавшемся поблизости Престоне были расквартированы как пехотные, так и кавалерийские полки, и офицеры часто навевывались в город, получив увольнительную.

Но она не привыкла видеть офицеров, сражающихся с волнами в полном облачении, и еще меньше — извергающих содержимое своего желудка на берег.

Мужчина вытер рот рукавом, бросив на нее извиняющийся взгляд.

— Ты отлично плаваешь, малышка. — Его слова прозвучали медленно и невнятно, даже учитывая шотландский акцент.

— А вы нет, сэр. — Она принялась выжимать юбки, с неудовольствием отметив, что к подолу прилипли водоросли.

— Как тебя зовут? — прозвучал его голос, заставив ее поднять взгляд. Наверное, ей не следует разговаривать с этим мужчиной, не говоря уже о том, чтобы прыгать в океан ради его спасения. Но что плохого, если она ответит, учитывая, что худшее уже произошло?

Она разгладила ладонью мокрый фартук.

— Кэролайн Толбертсон.

— Мисс или леди?

— Мисс. — Вряд ли она может претендовать на звание леди, даже если ее мать твердо намерена сделать из нее таковую.

— Что ж, мисс Кэролайн Толбертсон, позвольте представиться: лейтенант Дэвид Кэмерон, — и вы только что спасли мне жизнь. — На его лице мелькнула улыбка, и Кэролайн пришло в голову, что он из тех молодых людей, к которым ее старшая сестра Пенелопа всегда питала слабость. Кэролайн обожала свою сестру, но твердо знала: сама она никогда не станет такой дурочкой.

Тот, в кого она влюбится — если это вообще возможно, — должен быть гораздо лучшим пловцом, чем лейтенант Кэмерон.

— Где ты научилась так хорошо плавать? — поинтересовался он. — Я никогда не видел ничего подобного.

Кэролайн помедлила, размышляя над ответом. В ее мире плавание и честность редко шли рука об руку.

— Меня научил папа, — сказала она наконец, проглотив ком в горле.

Произнесенные вслух, эти слова, казалось, делали ее утрату еще более реальной. Хуже того: они напомнили ей, как все изменилось за четыре месяца, прошедших после смерти отца. Он основал первую городскую газету, «Брайтон газет», вложив в нее большую часть семейных сбережений. После его внезапной смерти от простуды им пришлось продать часть мебели и уволить почти всех слуг. Они даже не могли позволить себе купить траурную одежду и ограничились тем, что перекрасили свои платья в черный цвет в больших кастрюлях на собственной кухне.

— Он умер этой зимой, — прошептала она.

Было так ужасно видеть, как легкие отца мучительно борются за каждый вздох, а глаза зажмурены от боли. Он протянул два дня, не более того. Недостаточно долго, чтобы попрощаться с ними надлежащим образом, но достаточно долго, чтобы взять с нее обещание, парализовавшее ее при одном воспоминании. «Позаботься о своей

матери и сестре, Кэролайн», — были его предсмертные слова, и ей ничего не оставалось, кроме как заверить его, что она постарается.

Но как она сможет позаботиться о семье, если он оставил им так мало денег?

— Он всегда говорил, что я могу добиться всего, чего пожелаю, — добавила Кэролайн, обращаясь скорее к своим промокшим ботинкам, чем к собеседнику.

— Должно быть, твой отец был о тебе очень высокого мнения, раз поощрял подобные мысли и приложил столько усилий, чтобы обучить тебя плавать, — заметил Дэвид после долгой паузы.

Кэролайн вскинула на него удивленный взгляд. С тех пор как умер отец, лейтенант был первым взрослым, который отнесся к ее словам с вниманием. Мама была слишком погружена в свое горе, закрывшись в доме и отказываясь принимать посетителей, которые приходили, чтобы выразить соболезнования.

— Ну, — сказала она, довольная, что новый знакомый не посмеялся над ней, — вам повезло, что он сделал это, иначе вы бы уже кормили рыб на дне.

Уголок его рта насмешливо приподнялся.

— Ты всегда говоришь что думаешь?

— Нет. — Кэролайн подавила усмешку, когда он недоверчиво выгнул бровь. — Ну, иногда, — признала она, стараясь не сболтнуть лишнего. — Мама называет это моей прискорбной привычкой. Хотя, если говорить о привычках, не думаю, что эта такая уж плохая. Не то что грызть ногти или витать в мечтах в церкви, как это делает моя сестра Пенелопа. — Кэролайн запнулась, чтобы перевести дыхание, и впервые уловила запах виски в ветерке.

Ее посетила ужасная мысль.

— Вы что... пьяны?

Его губы сложились в угрюмую линию.

— Боюсь, что недостаточно.

Это саркастическое замечание заполнило пробелы в ее понимании, как песок щели между дорожными плитами. Неудивительно, что он чуть не утонул. И что его выверну-

ло наизнанку, словно он объелся незрелых яблок. Ей вдруг пришло в голову, что единственный мужчина, похваливший ее способности к плаванию, кроме папы, оказался пьяницей, который, возможно, не способен отличить собственный локоть от колена.

Идиот. Это было слово, которое не разрешалось употреблять в приличном обществе, особенно в разговоре со взрослыми. Жаль, оно так подходит к ситуации. Умный человек никогда бы не сунулся в воду на этом участке берега.

Кэролайн скрестила руки.

— Вам не следовало плавать в нетрезвом состоянии, — заявила она. — И вообще, папа учил меня, что нельзя плавать в одиночку.

Лейтенант склонил голову набок, окинув ее беглым взглядом.

— В таком случае мне действительно повезло, что ты оказалась поблизости. Наверное, как истинный джентльмен, я должен проводить тебя домой и объяснить твоим родителям, почему у тебя такой растерзанный вид.

Кэролайн посмотрела на свое платье, потемневшее от воды. Он собирается поговорить с ее матерью? По ее коже скользнул озноб, охладив сильнее, чем студеные воды пролива.

Так она и знала. Надо было позволить ему утонуть.

— Но я, пожалуй, не стану.

Глаза Кэролайн удивленно расширились.

— Потому что вы не джентльмен?

— Именно так, малышка. — Он одарил ее странным взглядом. — Полагаю, в будущем тебе лучше избегать таких, как я. Но есть еще одна причина, почему нам лучше сохранить случившееся в тайне. Меня спасла девчонка, которая плавает лучше меня. Моя репутация не вынесет такого позора.

Кэролайн захлестнуло облегчение. Она кивнула, более чем готовая согласиться с его условиями и поверить в его объяснение. Сохранить случившееся в тайне означало, что ее репутация тоже не пострадает.

Возможно, он не такой уж идиот.

— Я никому не скажу, — пообещала она, перекрестившись со всей серьезностью.

И она не сказала. Спустя несколько часов, после того как лейтенант исчез на тропинке, которая вела в Брайтон, а она выслушала нотацию от мамы и насмешки от Пенелопы, Кэрлайн продолжала хранить подробности их встречи — и как случилось, что она промокла насквозь, — надежно запертыми в памяти.

И прежде чем погрузиться в сон, она решила, что, если когда-нибудь превратится в глупую гусыню, способную терять голову из-за представителей противоположного пола, лейтенант Дэвид Кэмерон, возможно — всего лишь возможно, — один из молодых людей, которые этого стоят.

Глава 1

Брайтон, июль 1842 года

Кэролайн Толбертсон знала, что никогда не забудет свой первый поцелуй... даже если очень захочет.

И дело было не в механической стороне этого действия. Она почти ожидала, что первый поцелуй доставит некоторые неудобства вроде столкновения носов и кляцанья зубов. Технику можно изучить и отработать, а к своим двадцати трем годам Кэролайн освоила гораздо более сложные задачи. Нет, проблема заключалась не в исполнении поцелуя. Последствие — вот что оказалось невыносимым.

И это последствие направлялось прямым курсом к ней.

Кэролайн замерла, прислушиваясь не к крикам чаек или голосам людей на набережной, а к резким звукам смеха Брэндана. И вместе с ними на нее нахлынули воспоминания о поцелуе, который она так старалась забыть, во всех его постыдных деталях.

С ощущением неловкости, когда их губы разделились. С выражением веселья на лице мистера Дермота. С праздной публикой из Лондона, которая перешептывалась за ее спиной на следующий день, прикрыв рты ладонями.

«Это было словно поцелуй с парнем», — сообщил им Дермот. Такое сравнение совсем не льстило Кэролайн.

И теперь она в панике наблюдала, как Дермот приближается к ней. Ветерок с океана не содержал даже

намека на свежесть, чтобы осушить пот, выступивший у нее под мышками. Типичный представитель светского общества, которое съезжалось в Брайтон каждый июнь, Брэндан Дермот придавал большое значение одежде. Клетчатый жилет и пышный галстук, что были на нем сегодня, выдавали щеголя, у которого больше денег, чем здравого смысла. Его губы были растянуты в улыбку, способную ослепить ничего не подозревающую девушку своим сиянием.

Как обычно, на локте этого образчика мужчины висела жеманная девица, облаченная в белое летнее платье. Кэролайн не узнала девушку, но знала ей подобных. Спутница Дермота являла собой картинку из модного журнала, с желтым зонтиком в затынутой в перчатку руке.

— Добрый день, Кэролайн, — лениво протянул Дермот, когда они остановились перед ней. Ему пришлось смотреть на нее снизу вверх, чтобы поймать ее взгляд. — У вас такой цветущий вид.

Кэролайн порылась в памяти. Неужели она позволила этому типу обращаться к ней по имени? Или он решил, что имеет на это право, учитывая обстоятельства их той злополучной встречи?

— Мистер Дермот, — процедила она сквозь зубы.

Он улыбнулся своей миниатюрной спутнице, словно та была оранжерейным цветком, готовым, чтобы его сорвали.

— Мисс Бакстер, позвольте представить вам мисс Кэролайн Толбертсон. Мисс Джулиана Бакстер — дочь виконта Эйвери, прибывшая из Лондона.

Кэролайн взглянула на хорошенькую девушку, цепляющуюся за его локоть, ощутив прилив желчи. Какое ей дело, с кем прогуливается Дермот? Он ей даже не нравится.

Но ради бога! Прошло всего две недели, как он поцеловал ее, причем без всякого поощрения с ее стороны, в конце набережной.

Вначале она не понимала, зачем это ему понадобилось. Дермот был красив и популярен, тогда как она если и выделялась из толпы, то плоской, как доска, грудью. И только позже до нее дошли слухи о пари, которое стояло за ее

унижением, устроенным Дермотом скорее всего с единственной целью — развеять скуку.

Что касалось ее собственных мотивов, то Кэролайн знала, почему поцеловала Дермота, невзирая на тот факт, что целоваться с мужчиной, который не объявил о своих намерениях, было плохой идеей. Она предпочла бы, чтобы за ее опрометчивым поступком стояла более веская причина. Но она поцеловала Дермота не из логических соображений, таких как, например, тот факт, что его семья была достаточно состоятельной, чтобы владеть летней резиденцией в Брайтоне и домом в Белгравии, престижном лондонском районе. Нет, она сделала это по гораздо более сомнительной причине.

Ей было любопытно.

Мысль о первом поцелуе засела в ее мечтах с того момента, как в двенадцать лет она впервые представила, как поцелует, когда станет взрослой, белокурого офицера, чуть не утонувшего во время прилива. Брошюра, обнаруженная ее сестрой Пенелопой среди заплесневевших книг отца, оказалась шокирующе откровенной в физическом отношении, но там не было ни слова о чувствах и эмоциях. И поэтому, дожив до двадцати трех лет без каких-либо знаков внимания со стороны представителей противоположного пола, не говоря уже о поцелуях, Кэролайн не была склонна смотреть дареной лошади... точнее, мужчине — в зубы.

Что ж, больше она не совершит подобной ошибки. У нее нет ни малейшего намерения — и желания — повторять неудачный опыт.

Кэролайн задержала взгляд на спутнице Дермота, пытаясь определить, какое место она занимает в иерархии этой крохотной девицы. Наверное, где-нибудь ниже ее трехдюймовых каблучков. Новая знакомая Дермота выглядела свежей, нарядной и очень хорошенькой. Из-под модной шляпки виднелись локоны прелестного рыжеватого оттенка. С тонкими чертами, деликатной бледностью и невысоким ростом, мисс Бакстер являла собой образец лондонской красавицы. Рядом с ней Кэролайн чувствовала себя огромной и неуклюжей, как горилла, случайно оказавшаяся на модном променаде.

В конце концов, ее одежда не сверкала белизной, и хотя у нее был зонтик, она затруднилась бы сказать, какого он цвета. Ее старое ситцевое платье, предназначенное для более практических целей, чем прогулки по брайтонской набережной, было на несколько дюймов короче, чем требовали приличия.

— Вы здесь тоже на лето? — поинтересовалась мисс Бакстер, смахнув со щеки медный локон.

— Я живу в Брайтоне, — отозвалась Кэролайн, раздраженная высокомерным тоном девушки.

— О, я обожаю встречаться с местными жителями. — Мисс Бакстер склонила голову набок, пройдясь взглядом по Кэролайн, словно та была редким видом ящериц.

В голове Кэролайн промелькнула дюжина оскорблений, но она подавила их в зародыше. Пожалуй, ей лучше уйти, предоставив мистера Дермота его сплетням — а его хорошенькую спутницу солнечному удару, — и поискать утешения на ее личном пляже. Но тут ее язык вышел из повиновения.

Примерно так же, как во время того унижительного поцелуя.

— Моя семья живет здесь круглый год, — сообщила она. — А семья мистера Дермота приезжает сюда практически каждое лето. Но вас я никогда раньше не видела. Что привело вас в Брайтон, мисс Бакстер?

И, кстати, где компаньонка этой крошки? Кэролайн сама часто пренебрегала этим правилом приличий, но у них только одна горничная на все про все, и трудно ожидать от бедняжки, что она станет таскаться по Брайтону за ней и ее сестрой. Однако Кэролайн не могла припомнить случая, чтобы она видела благовоспитанную девушку, особенно дочь виконта, которая гуляла бы по набережной без сопровождения горничной или родственницы.

Ничуть не обескураженная ее прямоотой, мисс Бакстер хихикнула.

— Светское общество, конечно. Мой отец задерживается на несколько дней, но мне разрешил приехать раньше. Лорд и леди Бичем уже здесь, со своим сыном, мисте-